Разогреева Анна Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и криминологии,
юридический факультет, Южный
федеральный университет,
344007, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88

Сероглазова Мария Сергеевна,
магистрант 3 курса
заочной формы обучения

Razogreeva, Anna M.,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Criminal Law
and Criminology, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007, Russian Federation

Seroglazova, Maria S.,
master's student of the 3rd year
of correspondence education

ФОРМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

FORMS OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL LEGAL NORMS IN THE FIELD OF COUNTERING TERRORISM INTO RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION

АННОТАЦИЯ. Целью настоящей статьи является анализ способов имплементации международных стандартов в сфере противодействия терроризму в российское уголовное законодательство. Выбор тех или иных способов, по мнению авторов, выступает в качестве маркера, по которому можно определить значимость международного права в качестве источника уголовно-правовых норм. В качестве исследовательской базы выступают нормы ратифицированных и признанных в качестве правопреемника СССР Российской Федерацией международных конвенций о борьбе с терроризмом и нормы уголовного закона в динамике. Поставленная проблема исследуется в контексте политического и конституционного изменения соотношения международного и национального права в российской правовой системе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное право; уголовное право; терроризм; преступления террористической направленности; имплементация.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Разогреева А.М., Сероглазова М.С. Формы имплементации международно-правовых норм в сфере противодействия терроризму в российское уголовное законодательство // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8, № 1. С. 50–54. DOI: 10.18522/2313-6138-2021-8-1-8.

ABSTRACT. The purpose of this article is to analyze ways to implement international standards in the field of counter-terrorism in Russian criminal legislation. According to the authors, the choice of certain methods serves as a marker for determining the significance of international law as a source of criminal law norms. The research base consists of the norms of international conventions on combating terrorism ratified and recognized as the legal successor of the USSR by the Russian Federation and the norms of criminal law in dynamics. This problem is examined in the context of political and constitutional changes in the correlation between international and national law in the Russian legal system.

KEYWORDS: international law; criminal law; terrorism; terrorist crimes; implementation.

FOR CITATION:

Razogreeva, A.M., Seroglazova, M.S. Forms of implementation of international legal norms in the field of countering terrorism into Russian criminal legislation. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 2021. Vol. 8, No. 1. P. 50–54 (in Russian). DOI: 10.18522/2313-6138-2021-8-1-8.

Введение. В настоящее время вопрос о соотношении национального и международного права в российской правовой системе находится в режиме пересмотра. В отличие от либеральной модели 1990-х годов с идеей об однозначном примате международного права сегодня на первый план выходят позиции о первостепенном значении национального права как форме проявления государственного суверенитета. Вместе с тем нельзя однозначно говорить о том, что международное право окончательно утратило свое влияние на российскую правовую систему. В разных зонах и применительно к разным предметам регулирования дела обстоит по-разному. По мнению экспертов, деятельность ряда международных организаций в последние годы приобрела транснациональный характер и представляет собой по сути колоссальный бизнес-проект, а совершаемые ими террористические акты провоцируют вооруженные военные конфликты, из-за чего обостряется напряженность между различными социальными, религиозными и национальными слоями населения конкретного региона или целых стран [4, с. 129]. Вследствие этого сфера противодействия терроризму является одной из тех, для которых значение норм международного права продолжает оставаться высоким, так как и сам терроризм приобрел транснациональные черты (стремительно возрастающие материально-техническая оснащенность террористических группировок, финансирование и содействие со стороны крупных международных террористических организаций), и борьба с ним не может эффективно осуществляться в рамках одной национальной юрисдикции. В связи с этим важной задачей является унификация национального уголовного антитеррористического законодательства.

Основная задача данной статьи — проанализировать юридические инструменты подстройки российского антитеррористического уголовного законодательства под требования международных конвенций в сфере борьбы с терроризмом.

Роль международного права в формировании российского антитеррористического уголовного законодательства. В настоящий момент важную роль в установлении высокой планки антитеррористической борьбы в Рос-

сийской Федерации сыграло международное стандартизирование и унификация подходов государств в борьбе с терроризмом. Только под эгидой ООН было принято порядка 16 соглашений по данной тематике [2, с. 94]. Данный факт упростил разработку межгосударственных соглашений на основе имеющейся конвенциональной базы, тем самым активизировав международное сотрудничество в области противодействия терроризму. Однако разработка международных стандартов в данной сфере не имела бы должного эффекта без внутригосударственного регулирования этого вопроса.

На сегодняшний день имплементация международных норм в национальное законодательство является фактической реализацией международных обязательств, тем способом, посредством которого нормы международного права включаются в национальную правовую систему. Одним из важных условий имплементации международных норм в законодательство конкретной страны является определение соотношения этих норм с внутригосударственными. Однако вопрос о приоритете международного права над национальным до сих пор остается неразрешенным для многих стран мира.

Российская Федерация долгое время придерживалась позиции примата международного права над национальным правом. Так, в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации содержится положение о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры являются составной частью российской правовой системы. Там же установлен приоритет над любым законом РФ. С целью обезопасить отечественную правовую систему от имплементации противоречащих Конституции РФ норм международных договоров и соглашений, был разработан специальный механизм защиты: в соответствии с п. «г» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ и с п. «г» ч. 2 ст. 3 ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» полномочиями по разрешению дел о соответствии Основному закону не вступивших в силу международных договоров РФ был наделен Конституционный Суд РФ.

Сегодня большинство правоведов считает, что в России утвердился примат национального права. В защиту своей точки зрения они

приводят факт вынесения Конституционным Судом РФ Постановления № 21-П от 14.07.2015, а также последовавшие за ним и другие изменения в национальном законодательстве, еще более расширившие полномочия российского Конституционного Суда. Следует упомянуть, что в абз. 2 п. 2.2 вышеназванного Постановления было закреплено принципиальное положение о признании высшей юридической силы исключительно у Конституции РФ и вследствие этого установлен ее незыблемый приоритет над любыми другими международными соглашениями, в том числе антитеррористическими. В документе также многократно подчеркивается право Российской Федерации отступать от возлагаемых на нее обязательств в случаях, когда их реализация противоречит конституционным ценностям. После принятия данного акта в юридической среде поднялась волна споров по поводу правомерности его издания, но незамедлительные меры, которые предпринял законодатель с целью расширить и укрепить новые полномочия Конституционного Суда РФ, по сути одобрили принятое ранее Постановление № 21-П. Таким образом, в России примат правовой системы строится исключительно на внутреннем суверенитете страны.

Однако данная оценка не отменяет того обстоятельства, что терроризм является глобальной проблемой государств всего мира и требует согласованных действий в сфере борьбы с ним. Стоит подчеркнуть, что у стран сохраняется свобода выбора форм и объемов сотрудничества в противодействии терроризму, особенно в части принятия обязательств по выработанным международным договорам и участию в контртеррористических операциях [1, с. 1].

Российское уголовное законодательство в течение последних лет подверглось значительным изменениям в части противодействия терроризму и террористической деятельности. Некоторые ученые полагают, что под воздействием сил политической элиты оно превратилось в легитимное средство политической борьбы и репрессий [3, с. 2]. Однако вопрос о способах включения международно-правовых норм рассматриваемой сферы в разных странах может отличаться. В зависимости от выбора способа имплементации ткань национального законодательства меняется в большей или меньшей степени.

Вследствие этого актуален вопрос о способах имплементации положений международного права в сфере противодействия терроризму во внутрироссийское уголовное законодательство.

Институт имплементации в данном случае выступает неким связующим звеном в цепочке «международные стандарты в сфере терроризма — имплементация — внутреннее контртеррористическое законодательство». Процедура имплементации представляет собой законодательное закрепление международной нормы во внутренней системе права.

Способы имплементации международно-правовых стандартов в области противодействия терроризма в Уголовный кодекс Российской Федерации. Выработка имплементационного механизма, а соответственно и большинство универсальных соглашений по борьбе с терроризмом, были приняты СССР в 70–80-е годы XX века, а затем перешли к Российской Федерации от ее предшественника в порядке правопреемства. В основном изменения касались таких сфер, как воздушная безопасность, защита ядерного материала, пресечение взятия в заложники, защита лиц, пользующихся международной защитой, борьба с финансированием терроризма и борьба с бомбовым терроризмом. Основные международные акты и их имплементированные в российское национальное право положения представлены ниже в таблице 1.

Исходя из данных, представленных в таблице 1, можно сделать вывод о том, что в ратифицируемых Российской Федерацией конвенциях в основном использовались такие способы, как трансформация и правоприменительная имплементация, выражающаяся в многостороннем сотрудничестве участников Конвенции через обмен информацией, налаженный механизм экстрадиции, уголовное преследование лиц, виновных в совершении преступлений. Однако не стоит полагать, что все новшества были привнесены в российское законодательство исключительно посредством имплементации отдельных международных положений. Так, имплементация ст. 2 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. является хорошим примером того, как национальное право может быть на шаг впереди от права международного, так как ратификация данного акта не повлекла для Россий-

*Таблица 1. Основные международные акты и их имплементированные
в российское национальное право положения*

<i>Норма международного акта</i>	<i>Норма российского законодательства</i>	<i>Способ имплементации</i>
ст. 1 Гагской конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.	ст. 211 УК РФ	трансформация
Токийская конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г.	–	правоприменительная имплементация*
Европейская конвенция о пресечении терроризма 1977 г.	–	правоприменительная имплементация*
Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 г.	–	правоприменительная имплементация*
ст. 1 Монреальской конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.	ст. 205 УК РФ**	–
ст. 3,4 + 2А Венской конвенции о физической защите ядерного материала 1979 г.	ч. 3 ст. 205 УК РФ***, ст. 221 УК РФ + ст. 49 ФЗ № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» от 21.11.1995	трансформация
ст. 2 Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.	ст. 220 УК РФ	правоприменительная имплементация*
ст. 1 Конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 г.	ст. 206 УК РФ	трансформация
ст. 2 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г.	ст. 360 УК РФ**** + ФЗ № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006	трансформация
ст. 9 Конвенции о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала 1994 г.	ст. 360 УК РФ****	трансформация
ст. 2 + п. в ст. 18 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.	ст. ст. 205.1, 282.3, ч. 2 361 УК РФ + ст. 7.4 ФЗ № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001	трансформация
ст. 2 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.	ст. 205 УК РФ	трансформация
ст. 3 Римской конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г.	ст. ст. 205, 211, 227 УК РФ	трансформация
<p>* отсутствуют требования имплементации ее положений в национальное законодательство; выражается в многостороннем сотрудничестве участников Конвенции через обмен информацией, налаженный механизм экстрадиции, уголовное преследование лиц, виновных в совершении преступлений.</p> <p>** данное деяние не выделяется в отдельный состав, а подпадает под действие общей нормы ст. 205 УК РФ.</p> <p>*** санкция данной нормы действует только при наличии признаков субъективной стороны.</p> <p>**** ограниченный состав потерпевших и объективной стороны.</p>		

ской Федерации существенных изменений в национальном законодательстве — бомбовый терроризм подпадает под юрисдикцию ст. 205 УК РФ, а формы соучастия в нем регулируются ст. 34 УК РФ.

Заключение. Если рассматривать способы имплементации международного законодательства в национальное уголовное законодательство в сфере противодействия терроризму, влияние международных стандартов можно оценить как высокое. Даже при условии возможности использования имеющегося потенциала уголовного закона (базовая норма ст. 205 в первоначальной редакции в системной связи с нормами Общей части УК РФ позволяла квалифицировать в качестве преступных содействие терроризму или финансирование терроризму) законодатель пошел по пути значительной трансформации ткани уголовного закона, в том числе с включением норм, вообще не характерных для правовой системы РФ и

требующих переосмысления доктрины уголовного права. В условиях декларирования примата международного права над национальным подобная стратегия была вполне очевидной, но при политической и конституционной переоценке данного постулата ситуация может измениться.

Литература

1. Ганюшкина Е.Б. Механизмы межправительственного сотрудничества по борьбе с терроризмом. М.: ЮР-ВАК, 2016. 5 с.
2. Гатауллин З.Ш. Международные акты об уголовном преследовании терроризма. М.: Общество и право, 2017. С. 93–98.
3. Дмитриева Э.С. Анализ российских и зарубежных правовых актов о терроризме. Пенза: Наука. Общество. Государство, 2019. 7 с.
4. Павлик М.Ю., Шепелева О.Р. Международные нормативные правовые акты об ответственности за террористический акт // СПб.: Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2(44). С. 128–137.